

Д. Е. Алимов

**«АФРИКАНСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА»
В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ?
(заметки на полях статьи Иво Штефана)***

Проблема общественно-политического строя так называемой «Великой Моравии», существовавшего в IX столетии в Центральной Европе политического организма, нередко рассматривавшегося в историографии в качестве одного из наиболее убедительных претендентов на почетное звание «первого славянского государства», принадлежит к числу весьма актуальных тем современной медиевистики. Бурное вторжение в проблематику изучения раннесредневековых славянских социумов теоретико-терминологического инструментария политической антропологии, происходящее ныне почти повсеместно, не могло не сказаться и на изучении моравского политогенеза. Привычные представления о раннефеодальном моравском государстве, распространенные в чехословацкой и советской науке 1980–1990-х гг., стремительно утрачивают актуальность: к моравской политике все чаще начинают примеряться понятия вождества и раннего государства, заимствованные из арсенала англо-саксонской неэволюционистской антропологии. Приведет ли данная тенденция к существенному расширению горизонтов нашего видения моравской проблематики или в конечном счете дело сведется к простому уточнению терминологического аппарата? Хороший повод для того, чтобы лишний раз задаться этим вопросом, предоставляет новейшая статья молодого чешского археолога Иво Штефана под названием «Великая Моравия, государственность и археология. Упадок и крах

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потестарные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»).

раннесредневековой политии»¹, опубликованная в минувшем году в составе сборника статей международного симпозиума о раннесредневековых центрах Центральной Европы, проходившего в октябре 2009 г. в Поганско под Бржецлавом в непосредственной близости от места расположения знаменитого великоморавского поселения.

Главной отправной точкой исследовательского поиска И. Штефана стал пресловутый «крах» или «коллапс» Великой Моравии, случившийся в начале X в. после судьбоносного поражения моравского войска от венгров, а точнее широко распространенное в историографии представление о быстроте и чуть ли не внезапности этого краха, которое, по мнению И. Штефана, полностью соответствует действительности. «Я полагаю, — пишет чешский исследователь во введении, — что как раз ее (Моравии. — Д. А.) внезапный коллапс мог бы в гораздо большей степени, чем это принято считать, раскрыть нам принцип функционирования Великой Моравии, и, наоборот, структурный анализ отдельных сфер социально-экономической системы мог бы помочь нам понять причины ее упадка» (с. 333). Могут возникнуть сомнения, является ли концептуализация такого понятия как «коллапс», особенно, когда налицо присутствие мощного внешнего деструктивного фактора — вторжения врага, достаточно веским основанием для пересмотра традиционных воззрений на принцип функционирования того или иного политического организма. Это хорошо понимает и сам И. Штефан, отводя немалое место в своей работе перечислению признаков внезапного и быстрого разрушения моравской политии. Важнейшими из них следует признать запустение в X в. агломераций долины Моравы, археологически ярко выразившееся в отсутствии следов поновления укреплений и какой-либо заботы о церковных зданиях. И хотя, как отмечает сам автор, динамика запустения в течение X столетия таких градов, как Микульчице, не может быть с точностью реконструирована, а археологически установленный континуитет града в Оломоуце в IX–X вв. свидетельствует о выживании части элиты в северных землях моравского хартленда, было бы несправедливо не признать, что акцент, сделанный чешским исследователем на всеохватности постигшей Моравию катастрофы, имеет резон. Рассматриваемый политический организм был в этой части Европы слишком ярким политическим и культурным феноменом, чтобы в духе лукавого релятивизма проигнорировать устойчивое представление о его коллапсе, заменив соответствующее слово на «ослабление» или «деградацию», тем более, что романтические гипотезы о перемещении в конце IX в. культурных очагов Великой Моравии на далекую северо-восточную периферию необъятной «империи» Святополка, в Краков, Вислицу или даже Пшемьсль, ныне уже мало кем воспринимаются всерьез. Поэтому, по здравом рассуждении, мы склоняемся к тому, чтобы принять логику чешского исследователя, уделив основное внимание ходу и результатам осуществленного им «структурного анализа».

В разделе, посвященном социальной структуре и военной организации Великой Моравии (с. 333–339), И. Штефан подводит своего рода осторожный промежуточный итог тому, что было высказано на эту тему в историографии за последние несколько десятков

¹ *Štefan, Ivo.* Great Moravia, Statehood and Archaeology. The «Decline and Fall» of One Early Medieval Polity // Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik / Hrsg. Von Jiří Macháček und Šimon Ungerman. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011. (Studien zur Archäologie Europas; Bd. 14). S. 333–354.

лет, пытаясь, если можно так выразиться, проложить дорогу по наименее зыбким участкам обработанной поколениями исследователей почвы. Подход исследователя вызывает уважение: пытаясь решить уравнение со многими неизвестными, автор тщательно фиксирует все вопросы, на которые по объективным причинам современная наука не в силах дать однозначный ответ. Так, пытаясь нащупать в археологических материалах то, что могло бы пролить свет на материальный базис существовавшей в моравском обществе знати, И. Штефан высказывает ряд по-настоящему ценных сомнений в том, что касается интерпретации социальных аспектов моравского церковного строительства и погребений с инвентарем. Хотя многие моравские церкви вроде бы имели характер так называемых «частных» храмов (*Eigenkirchen*) местной элиты, что, как известно, было нормой для каролингского мира, включая его периферийные области на востоке, чешский исследователь замечает, что за единичными исключениями результаты археологических раскопок не позволяют идентифицировать имения знати (куртисы), к которым эти церкви теоретически должны были относиться². Самое же важное, по мнению И. Штефана, — это то, что моравские частные церкви располагались, как правило, *внутри* градов, а не в сельской местности, как это было на паннонской периферии Восточно-Франкского королевства, в соседствовавшем с Моравией франкском графстве (= славянском княжестве) Прибины и Коцела, где уже утвердилась феодальная система франкского образца.

Заметим в связи с этим, что моравская ситуация выделяется на фоне не только Франкского государства и его паннонского аванпоста — Блатенского графства, но и такого варварского политического организма, практически синхронно с Моравией интегрировавшегося в цивилизационную ойкумену *Pax Francica*, как Хорватское княжество в Далмации. Никаких аналогов моравским градам Хорватия, по-видимому, не знала: частные церкви местного дукса и его жупанов были рассыпаны по всей относительно небольшой территории хорватского хартленда. В Хорватии каролингские порядки настолько отчетливо проступают в контурах местного социокультурного ландшафта, что позволяют без особых проблем подыскивать аналогии устройству этого вассального славянского княжества среди франкских пограничных дукатов³. В этой связи хорватский случай может послужить хорошим предостережением от характеристики моравской ситуации как варваризированной версии каролингской системы, что, думается, подтверждает основную мысль Иво Штефана: моравская модель *принципиально* отличалась от франкской.

Говоря о погребениях, И. Штефан подчеркивает, что большие надежды, некогда возлагавшиеся на этот тип археологических памятников как на показатель социального статуса, оправдались далеко не полностью. Сам по себе характер погребального инвентаря в большинстве случаев просто не дает возможности уловить наличие какой-либо внутренней дифференциации в среде моравской воинской элиты, о чем свидетельствует, например, исключительная редкость присутствия в могилах наиболее дорогостоящих предметов вооружения — мечей. Виной тому, как полагает И. Штефан, ссылаясь на работу Я. Клапште, — принцип *pars pro toto*, которому, очевидно, следовали в Моравии,

² Впрочем, ссылаясь на реконструкцию плана агломерации в Поганско, осуществленную Й. Махачеком, И. Штефан допускает, что демаркация границ таких куртисов могла и не оставить археологически читаемых следов.

³ См., например: Budak N. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Glavni urednik Franjo Šanjek. Zagreb, 2003. S. 49–79.

снабжая захоронения инвентарем, рассматриваемым ныне в качестве релевантного для определения статуса погребенного. Даже погребения в церквах, несомненно, принадлежавшие первым лицам моравского социума, не обладают в этом отношении признаками, которые бы позволили противопоставить их могилам других знатных людей, располагавшимся на прицерковных некрополях. Вместе с тем, именно погребения дают И. Штефану одно из важнейших оснований для предлагаемого им пересмотра традиционной модели моравской государственности. Ключевым феноменом для понимания функционирования моравского социума он считает погребения с предметами вооружения, обнаруженные за пределами моравских градов на рассыпанных по территории моравского хартленда многочисленных сельских некрополях, очевидно, принадлежавших небольшим деревенским общинам. Кем были эти вооруженные селяне, среди которых довольно широко присутствовали всадники? Отвергая возможность идентифицировать их в качестве представителей центра или локальной земельной аристократии, против чего свидетельствует распространенность таких погребений, а во втором случае — еще и небольшие размеры самих общин, И. Штефан, наш взгляд, убедительно приписывает эти захоронения наиболее широкому слою моравского общества — свободным мораванам. Значимость этого вывода, как и в случае с частными церквами, заключается, в первую очередь, в том, что моравское общество заметно отличалось от франкского, где крестьянство к тому времени в большинстве своем было интегрировано в вотчинную систему, то есть было феодально-зависимым.

Полагая, что оружие свободные мораване получали в связи со своим активным участием в военных кампаниях моравской элиты, И. Штефан попытался разъяснить механизм того, как это происходило, в разделе, посвященном экономической жизни Великой Моравии (с. 340–344). Ключевой проблемой в данном случае с неизбежностью стал характер взаимосвязей моравских градов с окружавшим их сельским миром, что побудило И. Штефана обратиться к одной из важнейших проблем моравской археологии — экономической и социально-организующей функции так называемых моравских «агломераций предгородского типа»⁴ (Микульнице, Старе Место (близ Угерске Градиште), Поганско). Принадлежит к числу ярчайших феноменов раннего Средневековья в Центральной Европе, города-гиганты в долине реки Моравы, к настоящему времени уже хорошо археологически изученные, являются, как известно, не только визитной карточкой великоморавской цивилизации, но и ее главной энигмой: социальная и экономическая природа этих беспрецедентных для данного региона Европы, да и для славянского мира в целом, раннесредневековых мегаполисов до сих пор полностью не прояснена. Отмеченный выше подход чешского автора к моравской проблематике, когда сначала тщательно фиксируется все то, что остается неизвестным, а уже затем на основании имеющегося материала высказывается гипотеза, в этой части работы становится особенно продуктивен. И. Штефан показывает, что если отрешиться от суждений по аналогии и умозрительных заключений, в сущности у нас нет веских оснований считать, что агломерации снабжались сельскохозяйственной продукцией из окружавших их аграрных поселений, что здесь существовало подобие позднейшей чешской служебной организации или что своим процветанием они были обязаны цен-

⁴ О сути термина см.: *Бялекова Д.* Развитие форм поселений в Великой Моравии // *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение* / Ред. В. Д. Королюк, Г. П. Мельников, Й. Пуулик, П. Раткош, Г. Э. Санчук, Б. Хроповский. М., 1985. С. 117–118.

трализованной эксплуатации свободного населения Моравии. И дело здесь не только в том, что в Моравии не зафиксирована характерная профессиональная топонимика, позволяющая понять как функционировало обеспечение градов в рамках служебной организации, или в том, что арабская «Анонимная записка», повествующая о «стране сакалиба», где правит *С. в. т. м. л. к.*, — возможно, не самый надежный источник для реконструкции системы налогообложения в Великой Моравии. Насколько можно понять, главным для чешского автора является несоответствие всех этих суждений тому духу моравского социума, который явственно вырисовывается из материалов раскопок сельских кладбищ, где со своим оружием находили последний приют простые воины-мораване. Как правильно замечает И. Штефан, все перечисленные выше формы обеспечения моравских агломераций требуют эффективной организации властного аппарата, с признаками которого в Моравии дело обстоит, мягко говоря, совсем не так хорошо, как в современной ей Франкской державе или в позднейших государствах так называемой средневропейской модели (Чехия, Польша, Венгрия). Если же допустить, что такой организации властного аппарата, которая была бы способна обеспечить централизованную эксплуатацию (более или менее регулярные поборы со свободного населения и дани с покоренных племен — не в счет), в Моравии просто не существовало, то остается лишь один магистральный способ обеспечения моравских центральных градов — доходы от международной торговли. Приблизительно так рассуждает чешский автор, не только отводя торговле решающую роль в возвышении агломераций долины Моравы, но и считая ее, как будет видно из дальнейшего изложения, *conditio sine qua non* существования великоморавской цивилизации как таковой.

Разумеется, И. Штефан — далеко не первый автор, подчеркивающий значение международной торговли для развития моравской политики. Новаторский подход исследователя к данной теме проявился, прежде всего, в концептуализации соответствующих функций моравских градов в связи с проблематикой политогенеза. Вслед за рядом своих предшественников И. Штефан обращает внимание на расположение моравского политического ядра почти что на пересечении двух важных торговых путей раннесредневековой Европы — активно функционировавшего в IX в. на протяжении от Карнунтума (и, видимо, долины реки Моравы, бывшей, согласно И. Штефану, его северным ответвлением) до Венеции южного участка древнего янтарного пути, и дунайского пути, связывавшего западные и восточные области Европы. «С этой точки зрения, — замечает И. Штефан, — странное скопление крупнейших агломераций Великой Моравии в нижнем течении рек Морава и Дые, левобережных притоков Дуная, что является в плане администрирования невыгодным, имеет свою ясную логику» (с. 342). Получается, что поселенческая структура моравского ядра была всецело подчинена интересам международной торговли: агломерации, стоявшие на судоходных реках, были пунктами, куда с разных сторон прибывали купцы, а концентрация укрепленных градов на участке «Братислава — Девин» была призвана охранять пересечение торговых путей у Карнунтума. Даже само название страны, «Моравия» (по-славянски «Морава»), тождественное названию главной местной реки, было, по мнению И. Штефана, неслучайным, ведь Моравой именовалась не просто река, а жизненно важная для данного политического организма торговая артерия. Все выглядит настолько логичным, что остается лишь посетовать на то, что И. Штефан, отправляя следующих с запада по дунайскому пути купцов в Болгарию и Византию, видимо, из осторожности умалчивает о возможности

функционирования в великоморавский период известного торгового пути, связывавшего Западную Европу с Хазарией. В другом месте статьи И. Штефан упоминает об этом пути, но относит его появление к X в., связывая с ним случившийся уже после падения Моравии расцвет Оломоуца. Такая осторожность в контексте обсуждения торговых связей Моравии кажется довольно досадной: в последнее время А. В. Назаренко высказал весомые аргументы в пользу гипотезы о том, что связывавший Испанию (аль-Андалус) и владения Каролингов с Хазарским каганатом трансевропейский торговый путь, один из участков которого проходил по Мораве, функционировал уже в IX столетии⁵.

То, что моравские агломерации были многофункциональны, признают ныне, пожалуй, все исследователи. И. Штефан, как видно, придает исключительное значение именно функции торгового порта — эмпория, о чем применительно к Поганско недавно исчерпывающе писал Й. Махачек⁶. Здесь не место вдаваться в дискуссию о том, каковы археологические показатели функции торговых речных портов применительно к каждой из моравских агломераций. Как известно, существуют сложности даже с археологической идентификацией знаменитого «торжища мораван», упоминаемого в «Раффельштеттенском таможенном уставе» и обычно локализуемого в Микульнице⁷. Для нас в данном случае важно другое, а именно — та модель моравского общественного устройства, которая создается И. Штефаном на основе приписывания моравским агломерациям функции центров международной торговли. Именно здесь нас ожидают любопытные параллели, позволяющие говорить о модели И. Штефана в контексте проблематики типологии генезиса так называемой вторичной государственности в раннесредневековой Европе. Настаивая на том, что моравские агломерации были прежде всего торговыми портами, но, разумеется, совсем не отрицая всех прочих функций, которые им были присущи, И. Штефан полагает, что важнейшей статьёй моравского экспорта в период расцвета политики во второй половине IX в. были рабы. Логика автора вполне понятна: широкомасштабная экспансия моравской политики на север и восток, в земли языческих славянских племен, начавшаяся вскоре после заключения в 874 г. Форххаймского мира с Восточно-Франкским королевством, должна была приводить к захвату большого числа пленных, создавая тем самым практически неисчерпаемый ресурс для торговли рабами, спрос на которых в Европе резко возрос к IX в. в связи с запретами церкви обращать в рабство христиан. Хотя большое значение для Моравии имел также вывоз скота, лошадей и воска, все же этим товарам, как осторожно предполагает И. Штефан, принадлежала меньшая роль. Конечно, следует признать, что в случае с масштабами моравской работорговли в концепции И. Штефана мы имеем дело скорее с допущением, отчасти вдохновленным имеющимися сведениями о большом размахе работорговли в Чехии X в., чем с прочно обеспеченным доказательной базой научным положением. По сути дело сводится к упоминанию вывозимых из Моравии рабов в «Раффельштет-

⁵ См. подробно: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 95–112.

⁶ Macháček J. 1) Early medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundeburg: Munitio, emporium or palatium of the rulers of Moravia? // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1: The Heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning. Berlin, 2007. P. 473–498; 2) The rise of medieval towns and states in East Central Europe: Early medieval centres as social and economic systems. Leiden; Boston, 2010. P. 454–461, 484–506.

⁷ См.: Poláček L. Ninth-century Mikulčice: The «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning. Berlin, 2007. P. 520.

тенском таможенном уставе», известию о продаже в рабство учеников свв. Кирилла и Мефодия, содержащемуся в «Житии св. Наума», а также к сообщениям «Паннонского Жития св. Мефодия» и Петиции баварских епископов 900 года о больших количествах людей, захваченных мораванами в плен во время военных кампаний. Из археологических материалов И. Штефан упоминает находки колодок на территории моравских агломераций, а также ссылается на им же самим исследованные особые захоронения внутри градов, интерпретированные им как погребения рабов⁸. Нетрудно заметить, что весь этот комплекс данных, недвусмысленно свидетельствуя о существовании рабства и работорговли в Моравии, не дает, тем не менее, оснований уверенно судить о доле работорговли в моравской экономике. Этого не скрывает и сам автор, ссылаясь на скудость имеющихся источников и замечая, что о подлинных масштабах работорговли в Моравии мы, наверное, никогда не узнаем.

Впрочем, не сама по себе мысль о доминировании работорговли в моравской экономике является системообразующей в построении И. Штефаном оригинальной модели моравского политогенеза. Главным, бесспорно, является тезис чешского автора о том, что торговые операции, осуществлявшиеся в рамках торжища мораван и обеспечивавшие процветание моравских агломераций, относились исключительно к сфере международной торговли, полностью контролируемой властным аппаратом, в то время как оставшийся на долю простых мораван внутренний обмен играл в социально-экономической жизни Моравии весьма незначительную роль. И. Штефану, не верящему в существование в Моравии монетного обмена (и имеющему на это веские основания), моравские агломерации представляются, прежде всего, местами, где благодаря эффективной организации бартерной торговли и прочному контролю над ней со стороны власти в руках правителя и его окружения аккумулировались всевозможные престижные предметы, причем часть этих предметов, как хорошо известно из материалов раскопок, изготавливалась внутри самих агломераций из получаемого в результате торговли сырья. Ссылаясь на отсутствие следов ремесленного производства (за исключением выплавки железа) в сельском мире Моравии, расположенном за пределами укрепленных агломераций, И. Штефан объясняет широкое присутствие всех этих предметов в материалах раскопок сельских погребений получением их свободными мораванами в результате редистрибуции. Именно дарения и редистрибуция в большей степени, чем внутренняя торговля, были, по мысли И. Штефана, теми механизмами, которые обеспечивали доступ к предметам, а также были важным фактором интеграции моравского социума:

Мы можем сказать, что основой социально-политической целостности великоморавской системы была комплексная трансформация военной добычи в престижные предметы, которые в свою очередь служили для обеспечения лояльности элит, а также простого населения, которое, видимо, до тех пор в значительной степени сохраняло свободный статус. Моделируя ситуацию, мы можем предположить, что реальные рыночные механизмы использовались, главным образом, в рамках международной бартерной торговли (с. 343).

Полагая, таким образом, что великоморавские центры не могут быть уподоблены позднейшим средневековым европейским городам, связанным рыночными механизмами обмена со своей сельскохозяйственной округой, а являлись «резиденциями военизированной элиты, контролировавшей сложную систему редистрибуции», И. Штефан отме-

⁸ Štefan I. Frühmittelalterliche Sonderbestattungen in Böhmen und Mähren. Archäologie der Randgruppen? // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 2009. Bd. 50. S. 144.

чает, что в этом смысле они не были редкостью для каролингской Европы. С последним тезисом вполне можно было бы согласиться, если принять во внимание распространенность центров типа эмпориев на морском побережье империи Каролингов, а также на более или менее варварской периферии — на Британских островах, в Скандинавии, Прибалтике и Восточной Европе. Вопрос, однако, заключается в той роли, какую все эти центры играли в процессах становления государственности в каждом из указанных регионов. И. Штефан явно склонен обобщать моравский опыт, полагая, например, что Моравия была близка ранним стадиям политогенеза в других центральноевропейских государствах, таких, как Чехия. Однако, если в Чехии первоначальную систему сменила централизованная эксплуатация, то в Моравии, как логично вытекает из построений чешского исследователя, она просто не успела сложиться из-за внутренних конфликтов, последовавших после смерти Святополка, и, разумеется, из-за вторжения венгров.

Исходя из справедливой посылки, о которой уже говорилось выше, что исчезновение Великой Моравии с политической карты Европы не может объясняться *только* вторжением венгров, которые, как известно, даже не установили своей власти над долиной Моравы, И. Штефан в специальном разделе статьи под названием «Почему исчезла Великая Моравия?» (с. 344–348) тщательно анализирует все возможные факторы того, почему крах «моравского проекта» оказался необратимым. К числу таких факторов относятся собственно военные (завоевание центров, ликвидация правящей элиты), социальные (возникновение крупной земельной собственности знати, будто бы отказавшей в поддержке центральной власти) и даже экологические (разливы рек и возможность затопления моравских центров). Как показывает исследователь, в то время как наличие такого фактора, как появление землевладельческой аристократии, не выдерживает критики, все прочие негативные для Моравии события и процессы вроде вражеских вторжений или буйства природной стихии не приобрели столь катастрофических масштабов, чтобы вместе или порознь служить адекватным объяснением бесповоротного разрушения моравской политики. Поэтому, как и следовало ожидать, глубинные причины гибели Великой Моравии кроются в обрисованной выше природе моравской экономики и политической организации, основанной на экспансии и контроле над международной торговлей. С исчезновением этих двух условий, то есть возможности для моравской элиты продолжать прежний образ жизни, исчезает и сама Моравия. Вывод, полученный И. Штефаном в результате анализа факторов упадка и краха Моравии, вполне согласуется с нарисованной им картиной функционирования моравской политики:

Великая Моравия IX столетия была пространством «организмом», получавшим выгоду от своего положения на границе христианского Запада и еще не христианизированного славянского мира. Окончательное занятие венграми в 907 г. бассейна Дуная полностью уничтожило каролингскую «экосистему», из которой в IX в. выросла Моравия. Можно предположить, что быстрая дезинтеграция этой политики была связана, главным образом, с невозможностью для больших агломераций выполнять в новых условиях одну из своих основных функций — трансформировать военную добычу в лояльность (с. 349).

Итак, круг замкнулся: предлагаемая И. Штефаном гипотетическая схема функционирования моравской политики объясняет, почему Моравию после венгерского вторжения постиг коллапс, а сам факт коллапса служит дополнительным аргументом в пользу схемы, нарисованной И. Штефаном. Теперь, когда провозглашенные исследователем тезисы, будучи связаны воедино, обрели все необходимые свойства интерпретационной модели, впору задаться вопросом: какое место занимает она в системе сложившихся

в науке представлений о возникновении государственности в Центральной Европе, которая по своей природе была, несомненно, вторичной государственностью⁹, и о роли в этом процессе основного «государства-донора» — империи Каролингов? И. Штефан специально обращается к этой проблематике в разделе, посвященном типу моравской политической организации (с. 348–349). В нем исследователь не только вступает в полемику, в сущности являющуюся спором о терминах, с Й. Махачеком, предложившим считать Моравию «циклическим вожжеством», но и — что гораздо важнее с точки зрения типологии политогенеза — подвергает критике концепцию «среднеевропейской модели государственности», бывшую некогда весьма влиятельной в чешской историографии. Как известно, в рамках данной концепции Моравия рассматривалась как связующее звено между франкскими феодальными порядками и той системой социально-политических отношений, которая существовала в Чехии, Польше и Венгрии в XI–XII вв.¹⁰ При этом самая ценная, на наш взгляд, часть критики заключается не в том, что, указывая на отсутствие в Моравии признаков наличия так называемой служебной организации, рассматриваемой в качестве фундаментальной характеристики среднеевропейской модели, И. Штефан не видит оснований считать Моравию таким передаточным звеном. Важнее другое: И. Штефан справедливо указывает на поразительное отсутствие среди самих авторов концепции среднеевропейской модели ясного представления о том, какая именно форма социальных взаимоотношений была принесена в Моравию посредством контактов с Франкским государством, трансформация которой будто бы и привела к рождению раннефеодальной системы среднеевропейского типа. Это позволяет исследователю остроумно заметить:

Нет никаких сомнений, что во многих сферах в Моравии в IX в. имитировали стиль жизни франкской аристократии. Однако, на основании того, что нам известно, не кажется очень вероятным, что ее правители были в состоянии в короткое время осуществить «тотальную реформу», достойную просвещенных монархов (с. 349).

Вопрос о том, могли ли моравские правители вести себя так же как «просвещенные монархи», сознательно пытаясь выстроить по определенной модели всю систему социальных отношений, лишь на первый взгляд может показаться несерьезным. С тех пор как историки-марксисты вступили в многолетнюю дискуссию об «азиатском способе производства», в конечном счете открывшей дорогу для появления концепций многолинейной эволюции в современной политической антропологии¹¹, проблематика политогенеза в Центральной Европе уже не может рассматриваться изолированно от дискуссии о путях формирования вторичной государственности как таковой. Более того, моравский случай объективно оказывается в данном контексте на острие теоретических дебатов, ведь, если следовать логике, закономерно вытекающей из концепции среднеевропейской модели государственности, моравская полития была той «волшебной колбой», в которой элементы франкского феодализма — разновидности того, что в рамках билинейной

⁹ Разделение государств на первичные и вторичные, то есть такие, которые складывались под непосредственным или опосредованным влиянием ранее возникших политических центров, является, как известно, одним из фундаментальных положений политической антропологии (см.: Крадин Н. Н. Политическая антропология: Учебник. М., 2004. С. 183).

¹⁰ См.: Тржешистик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987. С. 124–133.

¹¹ См. об этом: Крадин Н. Н. Политическая антропология. С. 183–185.

теории социальной эволюции было предложено называть «частнособственническим способом производства»¹², привели к формированию основ такой модели государственности, в которой уже Л. Гавлик справедливо усматривал восточную форму феодализма¹³. В этом смысле вопрос может быть сформулирован следующим образом: отражает ли модель формирования государственности, реконструируемая И. Штефаном на моравском материале, закономерности в адаптации франкского социально-политического опыта в Центральной Европе или речь идет о более или менее универсальной модели взаимоотношений более сложного и менее сложного социумов в рамках концепции вторичной государственности? Конечно, у нас всегда есть возможность обойти стороной этот вопрос, способный увести в бесплодное теоретизирование, или сослаться на предприимчивость и креативность правящих элит раннего Средневековья, как это недавно остроумно сделал П. Урбанчик¹⁴, но, думается, было бы неправильно проигнорировать ту линию интерпретации генезиса вторичной государственности в современной политической антропологии, в рамках которой модель И. Штефана может получить, как нам кажется, наиболее адекватное разъяснение.

Дело в том, что описанная И. Штефаном модель функционирования моравской политической организации практически идеально соответствует тому типу социально-политического развития, который был уже давно изучен антропологами на материале обществ Тропической Африки. Более сорока лет тому назад французская исследовательница К. Кокри-Видрович, суммировав основные признаки данного феномена, отмеченные такими исследователями как Ж. Сюре-Каналь и М. Годелье, и концептуализировав данный тип развития в рамках марксистской методологии, предложила именовать его «африканским способом производства»¹⁵. Суть данного типа развития, по версии К. Кокри-Видрович, сводится к сочетанию патриархально-общинной экономики с контролем одной группы над внешней торговлей, причем форма власти в таком социуме всецело зависит от характера самой группы, обладающей таким контролем, будь то главы небольших деревенских общин или династии, находившиеся во главе больших «империй»¹⁶. Между тем, как отметил В. А. Попов, анализируя характер военно-торговых политий гвинейского побережья Западной Африки, в которых местная элита обладала монополией на торговлю рабами с европейцами, в сущности, нет нужды считать подобный тип развития особым способом производства ввиду его универсальности как одного из возможных путей вторичного развития политогенеза у первобытных обществ «в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов»¹⁷. Отмечая, что разработка типологии вторичного политогенеза

¹² *Кортаев А. В., Крадин Н. Н., Лынина В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Кортаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лыниши. М., 2000. С. 48.

¹³ *Гавлик Л.* Вопросы типологии феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 131–143.

¹⁴ *Urbańczyk P.* *Trudne początki Polski.* Wrocław, 2008. S. 68.

¹⁵ *Coquery-Vidrovitch C.* Research on an African Mode of Production // Perspectives on Africa: A Reader in Culture, History and Representation / Ed. by R. R. Grinker, S. C. Lubkemann, and C. B. Steiner. 2nd ed. Oxford, 2010. P. 139–150 (статья была впервые опубликована в 1969 г. на французском языке).

¹⁶ *Ibid.* P. 146.

¹⁷ *Попов В. А.* Политогенетическая контroversa, парapolитейность и феномен вторичной государственности // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии / Сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 423 (статья была впервые опубликована в 1995 г.).

все еще остается актуальной задачей, исследователь предлагает в качестве одной из таксономических единиц будущей типологии тип военно-торгового «параполиса» (то есть бесклассовой квазигосударственной структуры), к которому исследователь склонен относить многочисленные полиитии гвинейского побережья Западной Африки, включая «города-государства» дельты Нигера, вовлеченные в трансатлантическую работоторговлю. Парадоксально, но описанная И. Штефаном модель, в которой в очередной раз актуализируется аморфность Великой Моравии как «империи», обнаруживает с этими «городами-государствами» колониальной эпохи сходство едва ли не большее, чем с обширными средневековыми державами Западного Судана (Гана, Мали, Сонгай), также в значительной степени обязанными своим возвышением установлению прочного контроля над торговлей со стороны элитных групп. И дело здесь не столько в интерпретации моравских агломераций как таковых, сколько в избранном исследователем угле зрения на их место в моравском социально-политическом и экономическом пространстве:

Таким образом, представляется, что то, что мы можем называть Великой Моравией, было сконцентрировано в нескольких больших *civitates*, которые были одновременно главными казармами, мастерскими, средоточиями церковной организации, центрами международной торговли и редиистрибуции, а также величественными резиденциями правителя и высшей элиты (с. 347).

Возвращаясь, в заключение, к поставленному нами в начале вопросу о перспективах использования политической антропологии в изучении моравского политогенеза, отметим, что, пожалуй, пока трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Несомненным на данном этапе исследований представляется одно: в рамках антропологической парадигмы в большей степени, чем в рамках какой-либо другой исследовательской методологии, ощущается значение Великой Моравии как интереснейшего опыта раннего политического развития, которое в данном случае выходит далеко за пределы тех узких исторических контекстов, в рамках которых обычно рассматривалась данная полиития (славянский мир, каролингская Европа, славяно-германские и славяно-аварские отношения и т. д.). Великая Моравия давно стала своего рода опытным полигоном для апробации различных моделей, призванных объяснить формирование государственности в Центрально-Восточной Европе. Теперь, благодаря появлению статьи И. Штефана, мы вправе ожидать, что и результаты исследований африканских обществ, прежде всего те, что легли в основу концепции «африканского способа производства», займут в этой дискуссии подобающее им место.

Данные о статье

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК–5950.2012.6 «Потестарные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»).

Автор: Алимов Денис Евгеньевич, кандидат исторических наук, Россия, Санкт-Петербург, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, aljimov@mail.ru

Заголовок: «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана)

Резюме: Публикация представляет собой рецензию на статью чешского исследователя Иво Штефана об общественно-политическом строе Великой Моравии (*Štefan, Ivo. Great Moravia, Statehood and Archaeology. The «Decline and Fall» of One Early Medieval Polity // Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik / Hrsg. Von Jiří Macháček und Šimon Ungerman. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011 (Studien zur Archäologie Europas; Band 14). S. 333–354*). Автор рецензии показывает, что предлагаемая И. Штефаном модель функционирования ранней моравской государственности подпадает под определение так называемого «африканского способа производства», концептуализированного французской исследовательницей Катрин Кокри-Видрович на материале обществ Центральной Африки.

Ключевые слова: Иво Штефан, Великая Моравия, политогенез, Катрин Кокри-Видрович, африканский способ производства

Литература, использованная в статье

Бялекова, Дарина. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / Ред. Королук, Владимир Дорофеевич; Мельников, Георгий Павлович; Поулик, Йозеф; Раткош, Петер; Санчук, Генрих Эдуардович; Хроповский, Богуслав. Москва: Наука, 1985. С. 108–125.

Гавлик, Любомир. Вопросы типологии феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 131–143.

Кортаев, Андрей Витальевич; Крадин, Николай Николаевич; Лыньша, Валерий Алексеевич. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Крадин, Николай Николаевич; Кортаев, Андрей Витальевич; Бондаренко, Дмитрий Михайлович; Лыньша, Валерий Алексеевич. Москва: Логос, 2000. С. 24–83.

Крадин, Николай Николаевич. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Логос, 2004. 272 с.

Назаренко, Александр Васильевич. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. Москва: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Попов, Владимир Александрович. Политогенетическая контрверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Бочаров, Виктор Владимирович. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 321–344.

Тржешттик, Душан. Среднеевропейская модель государства периода раннего Средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Наука, 1987. С. 124–133.

Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Glavni urednik Franjo Šanjek. Zagreb: Školska knjiga, 2003. S. 49–79.

Coquery-Vidrovitch, Catherine. Research on an African Mode of Production // Perspectives on Africa: A Reader in Culture, History and Representation / Ed. by Roy Richard Grinker, Stephen C. Lubkemann, and Christopher B. Steiner. 2nd edition. Oxford, 2010. P. 139–150.

Macháček, Jiří. Early medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundeburg: Munitio, emporium or palatium of the rulers of Moravia? // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1: The Heirs of the Roman West / Ed. by Joachim Henning. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 473–498.

Macháček, Jiří. The rise of medieval towns and states in East Central Europe: Early medieval centres as social and economic systems. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010. 562 p.

Poláček, Lumír. Ninth-century Mikulčice: The «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / Ed. by Joachim Henning. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 499–524.

Štefan, Ivo. Frühmittelalterliche Sonderbestattungen in Böhmen und Mähren. Archäologie der Randgruppen? // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. 2009. Bd. 50. S. 139–162.

Urbańczyk, Przemysław. Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 420 s.

Information about the article:

The study was conducted within the framework of the research project supported by the Grant of the President of the Russian Federation for State Support of Young Scientists — Candidates of Sciences (МК–5950.2012.6 «Political Formations in the Slavic World from the Seventh to the Tenth Centuries A. D.: Evolution of Power Structures and Ethno-Social Processes»).

Author: Alimov, Denis Eugenievich, Ph. D. in History, St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia, aljimov@mail.ru

Title: «The African mode of production» in Great Moravia? (Marginal notes on Ivo Štefan's article)

Summary: The paper presents a review of the article of the Czech archaeologist historian Ivo Štefan devoted to the problem of socio-political system of Great Moravia (Štefan, Ivo. Great Moravia, Statehood and Archaeology. The «Decline and Fall» of One Early Medieval Polity, in *Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik* / Hrsg. von Jiří Macháček und Šimon Ungerman. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011 (Studien zur Archäologie Europas; Band 14). p. 333–354). The author of the review shows that the model proposed by Ivo Štefan for the explanation of how Great Moravia functioned corresponds to the concept of the so-called «African mode of production» elaborated by the French anthropologist Catherine Coquery-Vidrovitch on the materials of societies of Central Africa.

Key words: Ivo Štefan, Great Moravia, state formation, Catherine Coquery-Vidrovitch, African mode of production

References

Byalekova, Darina. Razvitie form poseleniy v Velikoy Moravii [The evolution of settlement forms in Great Moravia], in Koroliuk, Vladimir Dorofeevich; Mel'nikov, Georgi Pavlovich; Poulík, Josef; Ratkoš, Peter; Sanchuk, Genrih Eduardovich; Chropovský, Bohuslav (ed.). *Velikaya Moraviya, ee istoricheskoye i kul'turnoye znachenie* [Great Moravia, its historical and cultural meaning]. Moskva: Nauka, 1985. S. 108–125.

Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku, in Šanjek, Franjo (ed.). *Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek*. Zagreb: Školska knjiga, 2003. S. 49–79.

Coquery-Vidrovitch, Catherine. Research on an African Mode on Production, in Grinker, Roy Richard; Lubkemann, Stephen C.; Steiner, Christopher B. (ed.). *Perspectives on Africa: A Reader in Culture, History and Representation*. 2nd edition. Oxford, 2010. P. 139–150.

Havlík, Lubomír. Voprosy tipologii feodalizma v Evrope i Perednei Azii i slavyanskije narody [Problems of the typology of feudalism in Europe and Middle East and Slavic peoples], in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekoye* [East Europe in the Ancient Times and Middle Ages]. Moskva: Nauka, 1978. S. 131–143.

Korotayev, Andrei Vital'evich; Kradin, Nikolai Nikolayevich; Lynsha, Valery Alekseevich. Al'ternativny sotsial'noi evolyutsii (vvodnyye zamechaniya) [Alternatives of social evolution (preliminary notes)], in Kradin, Nikolay Nikolayevich; Korotayev, Andrey Vital'evich; Bondarenko, Dmitry Mikhailovich; Lynsha, Valery Alekseevich (ed.). *Alternativnyye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moskva: Logos, 2000. S. 24–83.

Kradin, Nikolay Nikolayevich. *Politicheskaya antropologiya: Uchebnik* [Political anthropology: A textbook]. 2nd ed. Moskva: Logos, 2004. 272 s.

Macháček, Jiří. Early medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundeburg: Munitio, emporium or palatium of the rulers of Moravia?, in Henning, Joachim (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 1: The Heirs of the Roman West. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 473–498.

Macháček, Jiří. *The rise of medieval towns and states in East Central Europe: Early medieval centres as social and economic systems*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010. 562 p.

Nazarenko, Aleksandr Vasil'evich. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdistsiplinarnyye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazei IX–XII vv.* [Old Rus' in international roads: Interdiscipline accounts on cultural, trade and political relations in 9–12 centuries]. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2001. 784 s.

Poláček, Lumír. Ninth-century Mikulčice: The «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia, in Henning, Joachim (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 1: The Heirs of the Roman West. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. P. 499–524.

Popov, Vladimir Aleksandrovich. Politogeneticheskaya kontroverz, parapoliteynost' i fenomen vtorichnoi gosudarstvennosti [The politogenesis controversy, parapolitical forms and the phenomenon of secondary statehood], in Bocharov, Viktor Viktorovich (ed.). *Antropologiya vlasti. Hrestomatiya po politicheskoi antropologii. V 2 t. T. 2. Politicheskaya kul'tura i politicheskie processy* [The anthropology of power: A reader in political anthropology. In 2 volumes. Vol. 2: Political culture and political processes]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. S. 321–344.

Štefan, Ivo. Frühmittelalterliche Sonderbestattungen in Böhmen und Mähren. Archäologie der Randgruppen?, in *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. 2009. Bd. 50. S. 139–162.

Třeštík, Dušan. *Sredneevropeyskaya model' gosudarstva perioda rannego Srednevekovya* [Central European model of early medieval state], in Litavrin, Gennadii Grigor'evich (ed.). *Etnosocial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nyh slavyanskikh gosudarstv i narodnostei* [Ethno-social and political structure of early feudal Slavic states and ethnic groups]. Moskva: Nauka, 1987. S. 124–133.

Urbańczyk, Przemysław. *Trudne początki Polski*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 420 s.